

18+

ВЕНИК Самураев

Андрей
Швед

начать произв
каким-нибудь
диалогом, кото
ключевое знач
дальнейшем. Э
буквально заб
читателя в пер
зот чуть ли не

18+

Андрей Швед Веник Самураев

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422443
ISBN 9785005186805*

Аннотация

Веня Самураев – обыкновенный подросток. Он увлекается буддизмом, борется с чайлдфри-сектой, ездит на вечеринки и влюбляется. Но мир меняется, когда Веня решает написать книгу. Развернуть трамвай, накормить сфинкса макаронами и победить ведьму-шурынду – только часть того, что предстоит сделать, чтобы закончить начатое произведение. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Глава Первая	5
Глава вторая	16
Мечты сбиваются	16
Глава третья	52
Супермаркет	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Веник Самураев

Андрей Швед

*Как хорошо,
когда, раздобыв у друзей
редкую книгу,
можешь потрепанный том
на первой странице открыть
Татибана Акэми*

*...и он с грустью подумал, что Россия,
в сущности, тоже страна восходящего солнца –
хотя бы потому, что оно над ней так ни разу по-
настоящему и не возило до конца*
Виктор Пелевин

© Андрей Швед, 2025

ISBN 978-5-0051-8680-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Глава Первая

На днях я позвонил Наде и сказал, что не знаю, о чём писать.

– Привет, Веня! – послышался до мурашек знакомый голос в трубке. – Не знаю даже, как тебе помочь... Ну напиши обо мне, – Надя засмеялась от собственной неожиданной мысли.

С её слов и началась эта история. История про меня, Надю и всех остальных. Правда, тогда я даже не улыбнулся. Наверное, потому что ещё не знал, что это начало. «Напиши обо мне, – досадливо передразнил я её у себя в голове. – Тоже мне совет! Это ведь так просто!»

– О, спасибо, Ваше Мудрейшество! Но я серьёзно спрашиваю вообще-то! – сказал я хмуро, но она не обратила внимания на мой тон и только ещё больше рассмеялась.

Написать книгу я собирался давно. Первый раз ещё лет в одиннадцать, а может и раньше, в первом классе, когда на хоре все учили песню «Книжки добрые любить и воспитанными быть». Вторую половину фразы можно поставить под сомнение, но книги я любил, это правда. Вот только о том, что любить больше – читать или писать, – в песне ни

слова. А я так и не решил.

В первом классе я попробовал написать свой первый роман: посадил бабушку на диван, встал посередине комнаты, заложив руки за спину, и стал методично надиктовывать одно предложение за другим. Писать самому у меня получалось плохо. Рука быстро уставала, буквы получались корявые. Тогда же пришла в голову идея делать большие интервалы между словами, так создавалась иллюзия, что я написал много. Мы с бабушкой закончили через пятнадцать минут. И я остался доволен результатом.

– Как учёба? – спросила Надя. И я снова включился в разговор.

– Да нормально, ты-то как?

– Вся в делах... Надо бы обязательно встретиться с тобой. Но времени нет... – жаловалась она.

После школы мы с ней поступили в разные вузы. Она училась на археолога, а я на философа. Соответственно, и роман, который я писал, был философским. Да и причины, по которым писал, – тоже философские. Не чтобы разбогатеть и прославиться. Писалось как-то само.

Общались мы с Надей редко, и я не мог объяснить, почему решил позвонить именно сейчас. Однако порой случайные события приводят к таким последствиям, о которых даже не подозреваешь. Может, позвонил, потому что она была тем человеком, который помнил меня ещё ребенком, с моими наивными амбициями и желаниями. И мне была нужна

её вера в меня. Мы оба выросли. И тот маленький Веня, который сидел с Надей за одной партой, исчез. Но кем я стал, пока что так и не понял, вот и пришёл к Наде за ответом.

Может, как раз поэтому мне и хотелось написать книгу. Казалось, что жизнь пройдёт, и я не успею что-то оставить после себя. Да. Вот так просто. А пока я не знал, кем буду и что со мной происходит.

Конечно, сейчас я подходил к написанию романа со всей серьёзностью. (Здесь уместно сказать, что ещё я периодически привираю.) Начать произведение собирался каким-нибудь невнятным диалогом, который имел бы ключевое значение в дальнейшем. Этот диалог буквально забрасывал бы читателя в перипетию событий. И вот чуть ли не с середины предложения (а строка уже бежит дальше) читатель включается в разговор, тут же появляется сразу несколько персонажей, причём у главного героя смешная, «говорящая» фамилия, дающая в сочетании с именем несуразный каламбур. И вот несколько слов о главном герое уже сказаны: его лермонтовское детство, проведённое с бабушкой, школьные друзья, первые воспоминания... И сейчас приятели, конечно, мало видятся, ведь «жизнь раскидала их», им никак не встретиться... Но сюжет уже убежал вперёд, и героям предстоит «сложный путь», завязанный на преодолении себя и поиске места в мире... И все это на фоне фантастики, восточной философии, смешанной с русским постмодерном, и литературоведческим анализом... Ну и так далее...

Я шучу, конечно.

Меня зовут Веня Самураев. Хотя «зовут» – глагол неуместный. В последнее время я мало с кем общаюсь, и меня никто никак не зовёт. Я обычный парень, родители которого много работают, а жизнь идёт по предписанному пути: детский сад, школа, университет. Если рассмотреть этот путь более детально, скажем, в формате одного дня, то это дорога до учебы, занятия, возвращение домой, выход в магазин за продуктами. И ничего-ничего необычного. Жизнь протекает в умеренно крупном городе, в квартире, окна которой выходят на проспект. А в других окнах – тысячи похожих на мою жизнь.

Я развернулся на стуле и осмотрел советский шкаф, где сбилась в кучу моя домашняя библиотека. Книги выстроились не в алфавитном порядке, и даже не в историческом, а как-то от прочитанных к непрочитанным. Вторых было больше. Вообще, думаю, о человеке можно судить по тому, какие книги он читает. Как назло, в этот момент на глаза попался увесистый том «Идиота». Я рассерженно отвернулся. Надя до сих пор продолжала говорить в трубке: что-то про Ярика и других бывших одноклассников.

В голову пришла мысль, что «бывших» одноклассников не бывает. Люди в университете – уже однокурсники, и это совсем другое. Но я так подумал, руководствуясь не сухой логикой. Просто Ярик...

О, бедный Ярик, я знал его гораздо, гораздо больше дру-

гих. Он походил на героя средневековой трагедии: его удел, как и мой, – метаться в поисках себя. Такие персонажи, как мы, погибают не от меча, а от того, что им нет места в этом мире. Сначала мы были в одном детском саду. Собирали палочки на земле, и осенью, когда изо рта шёл пар, представляли, что курим сигареты. Это моё первое воспоминание. Ярик был на полгода старше, и поэтому в нашей дружбе я невольно становился ведомым, а он – ведущим. И куда он нас только не заводил... Пока весь класс читал Пушкина, Ярик передавал мне под партой «Норму» Сорокина. На математике мой друг, как Лобачевский, пытался соединить параллельные прямые (на что потребовалась не одна тетрадь), на музыке он был и королем, и шутом одновременно, а на ИЗО Ярик разрывал бумагу, объясняя, что это арт-перформанс. А однажды, узнав про Дюшана, хотел отколупать в туалете писсуар. Я вовремя отговорил его. Тысячу раз наказываемый, он снова и снова оборачивался на меня из угла, в который его ставила учительница, и весело подмигивал. Или, выходя из кабинета завуча, улыбался мне широким ртом. Ярик будто сам себя истязал и наказывал. В нём жило необъяснимое, по-детски наивное, необузданное отчаяние. И он жил этим отчаянием, бережно возвращая его, как цветок. В наших отношениях Ярик был Фродо, а я – плетущийся позади Сем. Пятая черепашка-ниндзя, которая осталась в канализации есть пиццу.

С Надей мы попрощались, пообещав друг другу, как все-

гда, встретиться в ближайшее время. Я подумал, что неплохо было бы написать и Ярику, позвать его гулять. Но сделать это не успел. На кухне закипел чайник, и я пошёл его выключать.

На улице собирались сумерки тёплого осеннего вечера. Утренний дождь оставил после себя разливы серебряных луж, по которым неслись машины. Я взял кружку кофе и вышел на балкон, тут бабушка хранила пустые банки из-под засолов и картонные пакеты рассады, а папа – зимние шины и велосипедную раму. Места мало, но я устроился у окна. Над кипятком поднимался сладкий пар.

Кофе разбудил аппетит – а может, мне так казалось, и я, готовый на любую отговорку, лишь бы не работать, прислушивался к внутреннему голосу, которого не было. Рядом с метро находился фаст-фуд, куда я и собирался пойти.

Я вернулся в комнату и осмотрел её придирчивым взглядом. На столе стоял засыхающий бонсай. «Надо бы полить его, – мелькнула в голове мысль, – а то совсем умрёт». На книгах уже упомянутой домашней библиотеки лежал слой нежной, как пух, пыли. Рядом с книгами за стеклом стояли шахматы. Доска была разложена, фигуры расставлены. Чёрная и белая шеренги пешек застыли напротив друг друга. Деревянные профили воинов, резные кони, готовые в любую минуту вступить в бой, суровые слоны – все занимали свое изначальное положение.

Это была метафора, которую я показывал всем, кто приходил ко мне домой. Пока ни одна фигура не двинулась с ме-

ста, никто не знает, что это будет за партия. Никто не совершит ошибки, не сделает хода, и перед игроками открывается бесконечное множество возможностей в начале игры, а каждое последующее движение неминуемо ведёт к поражению одного и победе другого. Каждый новый ход приближает конец игры. Начало партии – самая далёкая от конца часть. И пока шахматное поле стоит в первозданном виде, фигуры не знают, кто будет руководить ими в следующий раз, кто сядет за игру – Гарри Каспаров или новичок, не знающий, как ест пешка. И пока фигуры находятся в начальном положении, игроками могут оказаться кто угодно.

Я стал рыться в куче вещей, сваленной на полу, в поисках штанов. Всё это время был в одних трусах. Странно начинать рассказывать свою историю, не надев хотя бы подштанники, а ещё говорят, что первое впечатление самое важное. Но я брал пример с Ярика, а ему наплевать на внешний вид и мнение окружающих.

Приведя себя в порядок, я погасил свет в комнате и хотел выключить компьютер, но заметил незакрытый файл со своим автобиографическим рассказом «Мечты сбиваются». Может, из-за него я не мог приступить ни к чему новому. Это страх написать хуже, чем было до этого. Как будто я равняюсь на самого себя, и у меня не выходит.

«Напиши обо мне!» – гениально, Надя! Я с силой захлопнул ноутбук. Жалко, что из листка бумаги на мониторе нельзя сложить оригами. Надя в школе учила меня делать журав-

лика. Но ноутбук складывается только пополам, и от этого ещё и выключается, а если попытаться сложить монитор по-другому, компьютерный мастер, к которому отправится такая «поделка», скорее всего, будет не в восторге от импровизированного кружка «Неумелые ручки».

Ветер гнался за жёлтыми обрывками листьев. В окнах бетонных фасадов отражалось заходящее солнце.

В кафе сидели несколько человек. Я уже пошёл было к свободному столику, но тут меня окликнули.

– Эй, Веник!

Я оглянулся.

– Веник, мети сюда! – старая шутка.

Наконец я заметил Виту.

Вита была чудовищем. Девушка сидела за столом у стены, на подносе перед ней стоял овощной салат. Она насмешливо глядела в мою сторону, изящно отогнув на правой руке средний пальчик с красным, хищным маникюром. Я ответил ей тем же жестом.

Наша дружба строилась на обоюдной ненависти. Решив, что поесть я все равно уже не смогу – меня стошнит, – я смело ринулся грудью на эту (во всех смыслах) амбразуру и подсел к ней.

Вита в свое время основала фемо-буддистскую чайлдфри-секту «Долой Мама». Они совершали чудовищные обряды и жертвоприношения. Это они стояли за спиной террористических организаций ближнего востока, были виновны

в геноциде белых медведей и глобальном потеплении.

По крайней мере, так считал я. Бороться со злом всегда приятнее, если зло немного приукрашено. Так мой собственный образ приобретал более героический вид. А мне, как любому человеку, хотелось выглядеть лучше, чем я есть на самом деле. Конечно, все это про нее я выдумал, но я также уверен, что нашим общим друзьям она рассказывает про меня гадости ещё хуже.

Вот сияет огромная желтая «М» – символ этой эпохи. Речь даже не о потреблении, просто вся культура, которой мы мыслим, – это уже заранее продуманные и теперь навязанные образы. И это такое же притворство, как наши с Витой отношения. При таком подходе разница между Шекспиром и чизбургером не так уж велика.

Итак, я сел напротив Виты.

– Привет, шурында, – бросил я, принимая вальяжную позу. Битва началась. – Только не говори, что ты ещё и в вегетарианство ударилась... головой, – сказал я, с нарочно прилепив лишнее слово к концу фразы, чтобы та обрела двойной смысл.

Да, говорил я грубо. Наше общение началось с безобидных шуток друг над другом, но по инерции переросло в настоящую войну. Стоило мне сказать что-то резкое, как мне тут же становилось стыдно, однако остановиться я уже не мог. Думаю, она чувствовала нечто подобное. И такое общение навязывалось нам все сильнее с каждой встречей. Мы

ничего не могли поделать.

– Нет, что ты! – возразила она. – Я же ем детей, по твоим словам, как я могу быть вегетарианкой.

Она демонстративно наколола лист салата на вилку и отправила в ротик.

– А ты чего тут делаешь? – спросила она, прожевав.

Я не мог сказать, что мой дом находится в десяти минутах отсюда, это означало бы, что я сдал все позиции. Лучше всего было соврать что-нибудь. Так я и сделал:

– Иди ты в жопу! Не твое дело!

Что ж, врать у меня не особо получается.

– Идиот, не очень-то мне и интересно.

Я вспомнил книгу, стоящую дома на полке, и за «идиота» стало обидно вдвойне. Как будто на стороне Виты стоял Достоевский.

– Вот и поговорили.

Так, перебрасываясь фразами, мы посидели полчаса, пока она не доела салат.

– Ну, мне пора, – она резко встала из-за стола.

– Как уже? – растерялся я.

– Ага.

– Может, тебя проводить? – предложил я.

– Не стоит, – Вита сделала вид, что ей приятно мое предложение, и послала наигранный воздушный поцелуй.

Она взяла сумку и вышла на улицу, а я долго провожал её взглядом через панорамное стекло. За время, что мы си-

дели в кафе, на улице стемнело. Сентябрь медленно убивал август. Первый месяц осени – последняя попытка лета сохранить прошлое тепло. Попытка бессмысленная и мертвая. Было неуютно возвращаться домой одному, но делать было нечего.

Я снова сидел в темной комнате перед включенным ноутбуком. Будто никуда не выходил. Будто не было этой неожиданной и такой быстрой встречи... Но ведь была! И что-то изменилось после этого разговора. Чуть-чуть, но изменилось. В лучшую или худшую сторону – я не знал. Да и кто вообще предложил все мерить понятиями «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло». Я, Вита, Надя, Ярик – мы просто по инерции проживали свои жизни так, как у нас это получалось.

Свет от монитора падал на лицо. Подумав несколько минут, я начал печатать. Пальцы сами забегали по клавиатуре. Мне пришла идея сделать Виту главной злодейкой всего будущего произведения, но я начал совсем с другого, с самого начала. И главное было то, что теперь я знал, о чем писать.

Из-под черного мигающего курсора появлялась прерывистая полоска текста. И я уже не делал большие интервалы между словами.

На днях я позвонил Наде и сказал, что не знаю, о чем писать.

– Привет, Веня! – послышался голос в трубке. – Не знаю даже, как тебе помочь. Ну напиши обо мне...

Глава вторая

Мечты сбиваются

Серебристый автомобиль затормозил в нескольких метрах от остановки. Переднее сиденье было кем-то занято, поэтому мне пришлось садиться назад. Ярик был за рулем, рядом с ним сидела девушка.

Она повернулась на три четверти, поэтому я видел только край её лица, словно полумесяц луны. В мочке блестела аккуратная маленькая сережка, не делающая её красивее, а лишь подчеркивающая хрупкость. Длинные волосы распущены, челка небрежно падает на лицо.

Несколько мгновений я рассматривал девушку, забыв поздороваться. Мне хотелось, чтобы она обернулась полностью. Будто в кино: для красоты кадра не хватает нужно-го ракурса. И когда это случилось и наши глаза встретились, на нежной шее, там, где ключица, образовалась розовая складочка. Я невольно скользнул взглядом ниже – белая блузка расстегнута на две пуговицы...

– Привет, – голос Ярика рассеял мое наваждение. – Это Вита, – представил он свою подругу.

– Здравствуй, – поздоровалась она. Чересчур холодно, как мне показалось.

Через секунду я сообразил, что до сих пор молчу, и поспешил поздороваться с обоими. Машина тронулась. Ярик недавно получил права, поэтому вел медленно.

– Вита тоже увлекается буддизмом. Думаю, вы подружитесь, – Ярик явно был настроен нас подружить, и поэтому искал общие темы. Он поймал мой нервный взгляд в зеркале заднего вида.

– Да я не то чтобы увле... – я хотел возразить, но передумал.

Девушка, желая поддержать разговор, оглянулась на меня:

– Читал «Дзен и искусство ухаживать за мотоциклами»?

– Первый раз слышу, – признался я. – Кто автор?

– Роберт Персинг.

– Ни о чем не говорит. Я нашу литературу люблю. Ну там... Пелевин...

– Пф, – только и хмыкнула она, сразу утратив интерес.

Разговор не задался. Между нами возникла маленькая трещина, которая разрасталась с каждой минутой тишины.

Мимо машины проносились бетонные столбы, отсчитывая электрический пульс дороги. Монотонным гудением они расползались вдоль трассы, предчувствуя скорую грозу. Как метроном, столбы отсекали секунды до её начала. Лето было холодным и дождливым.

Мы выехали за город, когда дождь настиг нас. Тучи разнеслись над шоссе. Тяжелые капли заклацали по крыше, будто по консервной банке. Они заливали лобовое стекло, рабо-

тали дворники. Прорываясь сквозь потоки воды, разрезая их капотом, машина шла на север, оставляя разорванные капли позади.

Это было похоже на битву железа и воды, и мне вспомнилось старинное латинское изречение:

– Веня видит Виту, – сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вита никак не отреагировала. Я испытал то состояние разочарования, которое, должно быть, свойственно собакам, покорно семенящим за своими хозяевами, когда те не обращают на них внимания.

– К чему это ты? Ты никогда не умел шутить, – добродушно признался Ярик.

– А ты лучше бы за дорогой следил! – мне стало неловко.

Ярик засмеялся и включил музыку погромче. Под хорошую песню можно и океан пересечь. В колонках играл «Па-сош», но сейчас мне показалось, что Ярик все подстроил специально:

Долой, ты расскажешь все свои ебучие шутки потом.

Ты расскажешь о том, как устал, кому-то другому.

Через пару заправок мы будем немного свежей.

Я уже близок к тому, чтобы сомкнуть руки на твоей шее...

На последней строчке я невольно покосился на его шею и на шею Виты. Почему у меня чувство, будто они сговорились против меня?

– Надо на заправку заехать, – заметил Ярик.

Мы свернули с шоссе в карман и остановились у заправки.

Дождь стучал по навесу, а ветер разносил вокруг запах влаги и холода. Стоило покинуть теплый салон автомобиля, как Вита поежилась. На шее проступили мурашки. Я предложил ей пальто, но она отказалась. Надо как-то начать разговор заново, мы ведь только что познакомились, и нужно было произвести хорошее впечатление, хотя бы ради Ярика, но идей, как это сделать, не было.

Мы зашли в минимаркет, где, как и на всех заправках, продают готовые сэндвичи, орешки, шоколадки, печенье. Пока Ярик платил за бензин, я заказал три кофе.

– За его счет, – я показал на друга.

Ярик посмотрел на меня исподлобья, а я постарался улыбнуться наивно, но при этом так, чтобы мои глаза не встретили его.

– Ты же заплатишь, старина? – и не дожидаясь ответа, быстро зашагал к автоматической двери, нарочито бодро размахивая руками и приплясывая.

Но у самого входа наткнулся на Виту, которая наблюдала всю эту сцену. Теперь она подумает, что я использую нашу с Яриком дружбу в своих целях! Теперь я не только скучный собеседник, но ещё и плохой друг!

– Тебе сколько сахара в кофе? – спросил я, надеясь исправить ситуацию.

– Ярик знает, – ответила она, собираясь выйти на улицу.

Еще секунду мы стояли в проходе и не давали автоматическим дверям закрыться.

– А я не знаю.

Она секунду помедлила.

– Я без сахара пью, – наконец ответила она.

Вита вышла на улицу, а я понуро вернулся к Ярику, чтобы помочь донести бумажные стаканы.

– Она подумала, что я серьёзно заставил тебя купить нам кофе... – сказал я грустно.

– А это не так? – усмехнулся Ярик.

– Да я верну деньги, если надо!

– Да брось, какие пустяки... – Ярик взял кофе, и мы пошли на улицу.

– Яр, слушай, а вы с ней... с Витой... давно? – спросил я.

– Что? – не понял он.

– Вместе.

– Нет, что ты! Мы не встречаемся. Она моя однокурсница. А что?

Я ничего не ответил. Каким бы близким он ни был другом, есть вещи, о которых я не могу говорить. Было ощущение, что Ярик, как порой бывало с родителями, просто не поймет меня, посмеется. Хотя я и сам толком не понимал, что именно должен ответить.

С кофе в машине стало тепло и уютно. Стекла запотели от пара – Ярик специально не включил обдув, пока мы были на стоянке. Вита нарисовала смайлик на стекле. А я написал

«ХУ», но увидев, что она смотрит, все размазал.

Горячий бумажный стаканчик обжигал руки.

Дом, куда мы приехали, стоял наверху пологого склона, внизу которого текла мелкая речка. Участок окружал железный забор, покрытый извивающимся плющом, будто паутиной. Сам дом походил на трехэтажный замок, сложенный из красного кирпича, с черепичной крышей. В широких окнах горел свет, играла музыка. За воротами уже стояли три машины, поэтому нам пришлось припарковаться на обочине, не заезжая на хозяйскую территорию.

Калитку обрамляли высокие кустарники, под сень которых мы поочередно зашли. Дождь за городом уже закончился, запоздалые капли, срываясь с мокрых листьев, попадали за ворот кофты. Я поежился.

В доме жил некий Антон Куприн, друг Ярика, который устраивал вечеринку по поводу скорого начала учебного года. Приглашал он всех без разбора. По словам Ярика, его собственные друзья по большей части ещё не вернулись из отпусков и путешествий, а собирать маленькую компанию Антону скучно. Получался такой зимний бал с кучей приглашенных гостей. Только летом. На каждом балу должна быть своя Золушка. Даже если это не бал, а тусовка, вписка или попросту пьянка – это не важно, потому что Золушка должна быть. Я глянул на Золушку в потертых кедах, идущую пе-

редо мной.

Втроем мы ступили на мокрую траву, сквозь которую вела выложенная камнями тропинка прямо к крыльцу. Валуны, врытые в землю, большие и мокрые, настойчиво упирались каменными лбами в резиновые подошвы обуви, будто хотели предупредить не идти дальше. Вокруг дома росли кусты роз, листья и шипы которых от влаги выглядели виновато-пристыженными.

Нас никто не встречал, но дверь не была заперта. В прихожей – почти три десятка пар обуви, валялись пустые банки из-под пива.

Увидев их, Ярик позвал меня разгрузить машину. Приехали мы не с пустыми руками. Как говорится, в нашем багажнике было *столько всего такого, разных сортов*, что он напоминал передвижной бар.

Вита, увидев кого-то из знакомых, ушла здороваться. Мы с Яриком перетаскали бутылки из машины на крыльцо. Он пошел в дом, а я сказал, что хочу немного осмотреть участок.

Забор ограждал территорию замка с трех сторон, там, где начинался склон, забора не было. Отсюда, должно быть, открывался вид на закат, но его скрывали тучи.

Я подошел к краю обрыва, вокруг – пусто. Приезжая к кому-то домой на подобную вечеринку, всегда понимаешь, что отсюда уже не сбежать. Ночью не работает метро, не ходит транспорт, подобно моряку на подлодке ты вынужден терпеть до утра, чтобы снова увидеть ясное небо и вдохнуть све-

жий воздух. Конечно, всегда можно вызвать такси, но мне нравилось представлять, что все собравшиеся здесь связаны одним местом. Отсюда не уйти. А значит, всё, что будет происходить сегодня ночью, нужно будет решать теми силами, которые есть у нас сейчас. Помощи ждать неоткуда.

Почему мы позволяем себе такой образ жизни? Молодые, красивые, глупые – ведь должен быть другой выход. Перед нами, как на плоскости, были выложены наши детские мечты и цели. Мы могли становиться художниками, танцорами, музыкантами, писателями, актерами, но мы решаем напиваться и пробовать наркотики. Писатели, художники, актеры – станем ими всеми сразу, одновременно, но только на вечер, только на несколько часов, пока звезды над нами продолжают светить.

И вот к двадцати с небольшим жизнь складывается из попыток найти себя или хотя бы не потерять то, что осталось. Потому что все, что во мне было, растащила учёба, торчащие знакомые, музыка и порно. (Последнего почему-то всегда особенно много.) Помню, однажды Ярик влюбился в порноактрису и клялся, что поедет в Штаты, чтобы вырвать её из рук алчных продюсеров. Он подписался на все её аккаунты, какие только нашел, следил за её жизнью и ждал выхода нового ролика, как второго пришествия. Он высыхал от любви и не мог уже смотреть на кого-то другого. Видеть это было грустно.

Но все это просто замена чему-то большому, к чему мы

шли, когда были маленькими. Мы перетасовали карты и построили себе идола из звезд, блогеров и политиков. Но на самом деле, нам никто не нужен. Нам не нужно, чтобы нас выбирали, чтобы нас помнили. Правда, понимать это получается только в такие, как эта, ночи. Мы просто объявляем себя королями этого мира. Но мечты перегорают с восходом солнца. И наши звезды умирают, не успеваем мы повзреть.

И так каждую ночь, но мы покупаем это время вместе с алкоголем и сигаретами, только чтобы ещё раз погрузиться в сказочный несбыточный сон. И счастье, если получается украсть, оторвать у этого сна какую-то часть, только чтобы запомнить и хранить её в своей памяти.

Правильно, друзья, давайте праздновать этот праздник жизни! Пейте же, пейте! Запомните этот момент проходящей жизни!

Мои мысли прервал неожиданно появившейся молодой человек. Так бывает, когда в сюжете плохой книги происходит какой-то нелогичный и неправильный поворот, которому нет места.

Парень был чуть пониже меня, в цветастой ветровке, под которой виднелась рубашка в шашечку. На руках были фенечки и веревочки, на голове – неопрятный хвостик, похожий на брюкву. Вся одежда парня в отдельности была бы безвкусной и неуместной, но вместе она создавала эклектичный образ, о котором Ярик столько рассказывал.

– Антон Куприн, – представился парень, протягивая мне маленькую ладонь.

Вот он каков – хозяин сих владений, король бала.

– Веня Самураев, – я пожал ему руку.

– Очень приятно, – сказал Антон, которому, по-моему, было чуть менее приятно, чем он это сказал. – А ты, значит, с Яриком приехал?

Я кивнул. Он предложил мне сигарету и закурил сам.

– Чувствуй себя как дома, – сказал он добродушно.

– Спасибо. – Чтобы не стоять молча, я спросил: – Куприн – это псевдоним?

– Антон – это псевдоним, – ответил он и засмеялся. Я так не понял, шутит он или нет.

– Мне кажется, если я изменю имя, это буду уже не я.

– «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет», – Антон произнес это в никуда.

Я осекся. Наверное, моя фраза могла обидеть, а ссориться с хозяином, который принял нас в своем доме, мне не хотелось, поэтому я поспешил добавить:

– Но Куприн – это хорошо! Это нетленная классика!

– Если классика тленная или пусть даже нетленная, это означает, что её кто-то поджег или по крайней мере попытался. Кстати, о поджогах, – будто случайно вспомнил он, – надо разжечь мангал, а то скоро это некому будет делать.

Шел уже двенадцатый час. Вечер набирал обороты. Все вокруг становилось веселее, быстрее, смелее. Люди переме-

стились во двор, потому что в доме становилось тесно. Кто-то распахнул окна и развернул колонки на улицу. Громко заиграла музыка. Женя и Никита – знакомые моих знакомых – вынесли стол. Девушки сидели под беседкой и нарезали овощи.

Я раздобыл себе банку пива. «Тс-с-с», – тихо прошептала она, как бы прося, чтобы я был потише, когда её стальная крышка продавливалась внутрь. И немедленно выпил. Алкоголь – это смерть в замедленной съемке. Один глоток – выстрел в голову.

Глотая пиво, я становился частью множества других людей, находящихся здесь. Мы коллективный разум, плывущий в одном потоке. Это всеобъемлющая солодовая волна создавала единения всех со всеми. И другого было не надо. У кого-то в руках уже мелькала водка. На меня налетел парень, предлагая разделить с ним коньяк.

– Ну, давай, ну... че ты... – мямлил он.

– Да я пока пиво пью, – я показал на жестяную банку в руке.

Он, вторя моим движениям, помахал перед лицом бутылкой коньяка, которую держал за горлышко. Я попытался его обойти, но он не пропускал меня. Несколько секунд я смотрел в его красные, пьяные глаза.

– Дима!

Парень оглянулся. Кто-то из толпы звал его. И тут же забыв про меня, Дима ушел на обезличенный голос.

Глядя на него, я вспомнил, что года три назад был таким же пьяным дураком, правда, сейчас я знал, что и спустя три года скажу про себя то же самое. Все мы заливали лето алкоголем. И пусть это было неправильно, но все равно делал это каждый из нас. И да, мы сбились с пути, но зато мы шли вместе. Все мы: я, Ярик, Надя, Вита. Наверное, и наше лето, и такие дни, как этот, были причиной событий, от которых потом захочется отказаться, извиниться за них перед кем-то. Но почему-то всегда так и получалось – то, что происходит в жизни, после осмысления оказывается неправильным. Я, наверное, полный кретин.

Женя и Никита позвали есть, объявив, что первая партия шашлыка готова. На столе среди разбросанных пластиковых тарелок и стаканчиков лежали криво нарезанные огурцы и помидоры. Никита торжественно водрузил тазик с поджаренной курицей в центр. Несколько пластиковых вилок одновременно проткнули мясо.

Во главе стола, там, где прежде праотцы ставили самовар, теперь бурлил колосс кальяна. Сквозь дым слышалось методичное чавканье и пережевывание. Кто-то предлагал тост. Я потягивал пиво.

Напротив села пара. В дыму, сумерках и угаре я не сразу понял, что передо мной Дима и Вита. Он взял её стаканчик и лил туда водку, проливая половину на юбку.

Как-то на первом курсе мы устраивали вечеринку вроде этой. Часть знакомых решила позвать школьников из старших

классов. Мнения разделились пополам – одни ребята были против их присутствия, другие – «за». «За» были и сами школьницы. Те, кто был против, руководствовались моральными принципами: школьницы ещё маленькие и формально им нельзя пить и курить. У тех, кто был «за» принципов особо не было, но выиграли все равно они. Просто всегда были люди, желающие напоить на вписке девчонку на пару лет младше себя.

Я не голосовал по двум причинам. Во-первых, это ничего бы не решило, как, собственно, и произошло. И, во-вторых, выбор для каждого свой – ехать или нет, пить или не пить. В конце концов, это мы же и служим примером такого образа жизни для тех же школьников. Но нести ответственность за секс с несовершеннолетними я и те мои знакомые, кого я мог назвать друзьями, не собирались, поэтому мы просто держались от девочек подальше, чтобы никто никого не провоцировал.

Я не хотел выглядеть благородно. И все такие высокопарные рассуждения о морали и нравственности – не мое. Да и добродетель тоже. Но Вита выглядела беспомощно, и я знал, чем это кончится, если не вмешаться сейчас. А мне не хотелось, чтобы с ней был кто-то другой. Так что дальнейшие действие – скорее корыстный поступок. Золушка, я не рыцарь на белом коне. Я встал из-за стола.

– Вита, пойдем потанцуем? – предложил я, обогнув стол. Не знаю, зачем я это сделал, не мое это дело. Стало ли мне её

жалко, или же было настолько противно от всех этих пьяных лиц, что захотелось уйти и я искал компанию? Не знаю. А может, просто поступил так, потому что поступил. Не у всего есть причины, но у всего есть последствия.

Она была слишком пьяной, чтобы возразить, поэтому покорно, как собака, поплелась за мной. Дима привстал, начиная соображать разбросанными алкоголем остатками мозгов, что я помешал его планам, но парень тоже был чересчур пьян. Меня же ежесекундно отрезвлял вид двигающихся при жевании затылков, запах лука, чавканье и бульканье.

Мы отошли в сторону.

– Как дела? – спросил я.

Она заговорила не сразу, будто понадобилось время, прежде чем она слышала мои слова.

– И зачем ты меня увел? Думал, мне нужна помощь?

– Да ты пьяная, подруга, – стал спорить я.

– А ты дурак, Веня. И я тебе не подруга. Видя утопающего, ты бросаешься его спасать. А если ему не нужна помощь? Может, надо было сначала спросить?

– Мне кажется, тонущему немного не до этого, – ехидно сказал я.

Вита наморщила маленький, покрасневший от выпитого носик, отчего её лицо стало выглядеть по-детски милым.

– Дима – мой друг. Мы знакомы со школы. А тебя я один день знаю. И от кого тут надо спасать меня?

Я подумал, что получилось действительно глупо.

– Ну иди вернись к нему...

Она сделала вид, что размышляет над моим предложением.

– Пойдем, – наконец сказала Вита, – я хочу спуститься к реке.

Обряд таких ночей, как эта: вы знакомитесь с девушкой, общаетесь, изливаете друг другу души, а утром забываете друг друга навсегда. Проживаете маленькую совместную жизнь, но цена за это – воспоминания о ней.

Мы спускались по узкой тропе, виляющей по склону. Я шел первым и подавал Вите руку каждый раз, когда дорога круто уходила вниз. Земля была мокрой и скользкой. Мы шли медленно, чтобы Вита не споткнулась. Лопухи задевали ноги, дождевые капли скатывались по листьям, затекая в ботинки.

Встав у воды, она наклонилась, чтобы увидеть отражение, но не увидела ничего.

– Дай сигарету, – попросила она.

«Ты ещё и куришь», – хотел сказать я, но не стал. Зачем кого-то чему-то учить? Сами все поймут, сами решат, что правильно.

Достав две сигареты, я дал ей прикурить и закурил сам. Вита распустила волосы, те опали, на секунду спрятав ее лицо в ворохе нерассчитанных прядей.

Я увидел, как Вита поежилась, и, сняв пальто, предложил ей. На этот раз она не возражала, и я решил, что это добрый

знак.

– И откуда ты такой смешной, – безнадежно и грустно сказала она.

– Не знаю.

– Можно тебя обнять? – сонно спросила Вита.

Это прозвучало так трогательно, что я не успел возразить. Под блузкой слышалось биение её сердца, когда Витина грудь прижалась к моей.

«Эх, подруга, какая же ты пьяненькая», – подумал я. Но мысль потухла, как искра. Осталось только тепло от огня. Тепло её тела, ощущаемое сквозь одежду, и ещё тишина.

– Вит... – я хотел что-то сказать, но она, взглянув на меня и помедлив секунду, потянулась и, прижавшись всем телом, – нет, не поцеловала – дотронулась губами до моих губ.

– Мы так далеко ушли, – Вита взяла меня под руку.

Слева плавно текла темная река. Ушли мы недалеко, просто дом скрылся из виду, за тяжелыми кронами раскидистых елей, растущих вдоль берега. Сколько юношей водило своих девушек мимо них, а ели все смотрели, молча и без осуждения. И они будут смотреть за другими людьми даже после нашей смерти.

Мы поднялись по склону и вышли на проселочную дорогу. Слева над макушками деревьев виднелась черепичная крыша. Надо было возвращаться, но возвращаться не хотелось.

Стараясь, чтобы это выглядело беззаботно, я приобнял Виту за талию. Она не возражала.

Был ли этот поцелуй или мне показалось? И как мне теперь с ней говорить об этом, и что будет дальше... Но Вита вела себя так, будто ничего не произошло. И невольно подстраиваясь, как бы подыгрывая ей, я решил, что ничего не делать будет лучше всего. Нужные события, действия и слова сами найдут нас.

– Ку-ку! – раздалось сзади.

А вот и эти события. Второй раз за вечер Антон Куприн появлялся из ниоткуда, словно умел телепортироваться и неприлично часто прибегал к своей способности. И если телепортация – его первая суперсила, то вторая – телепортироваться не в нужное место в ненужное время.

– Все хорошо? – спросил он.

– У нас все хорошо? – я посмотрел на Виту, предоставляя ей право решать.

– Нормально, – буркнула она. – Разве тебе не надо быть с гостями? Вдруг они что-то сломают.

– Да ну их, – отмахнулся Антон. – Я вам помешал, да? Ну извиняйте.

– Мы все равно возвращались, – сказала Вита.

Втроем мы пошли в ту сторону, откуда играла музыка.

– Раз ты Куприн, – я повернулся к Антону, – может, ты ещё и писатель?

– А ты не мерей по себе, Веня, – засмеялся он. – Искус-

ство вторично по своей сути, это огрызок реальности, хе-хе... Впрочем, я покажу тебе один перформанс, позже, если захочешь... А Ярослав говорил, ты пишешь автобиографическую книгу, может, тебе пригодится мой, так сказать, опыт. Хе-хе... Кстати, обо мне, я уже появился в твоём сюжете?

– Только что во второй раз.

– И как? Я положительный или отрицательный персонаж? – насмешливо спросил он.

– Пока не ясно. Но точно гостеприимный.

Возле дома прибавилось машин, значит, приехали новые гости. Мы протиснулись в калитку. Вита, шмыгнув носом, ушла греться в помещение, прихватив мое пальто. Я уже собирался посмотреть, кто же новенький приехал, но сильный толчок сбил меня с ног. Второй удар – спиной об землю.

– Сука ты! – раздался над головой голос, похожий на воронье карканье.

Я глядел в разные стороны, пытаюсь понять, откуда идёт звук. Но третий толчок по голове оглушил меня.

Все вокруг загудело и задрезжалось. Я проморгался и увидел перед собой Диму. Через секунду он ринулся на меня, но сработали рефлексy, я стукнул его ногой и попал во что-то мягкое, наверное, в живот.

– Мудила! – крикнул он сдавленно, налетая на меня с кулаками.

Я был слабее, но трезвее, поэтому успел откатиться в сто-

рону. Что-то щелкнуло, и костяшки обдало жаром, я понял, что ударил его. Вокруг раздавались голоса. Подбежали Никита и Женя. Я увидел Ярика. Втроем они стали нас различать.

Ярик схватил Диму, но тот извернулся и боднул Яра в лицо своей головой.

– Какого хрена?!

Вдруг все так же резко закончилось, как и началось. Я сидел на земле, тяжело дыша. Диму куда-то уволокли. Ярик с фингалом под глазом наклонился ко мне:

– За что он тебя?

– За дело... – я сплюнул вязкую слюну.

– Ну и славно, – усмехнулся он. – Мне, значит, досталось за твое дело.

– Это из-за Виты, – признался я, пытаюсь отдышаться.

– Познакомиться не успели, а тебя уже на дуэль вызывают.

Ну да, не успели.

Ярик помог мне встать. Грудь ходила ходуном. Я окинул ошалевшим взглядом собравшуюся толпу.

– Ну, чего уставились?

– Вень, у тебя кровь идет, – подсказал кто-то из толпы.

Я облизал губы. И правда. Идет. Но было все равно. Нужно было показать, что мне все равно. Я должен был уйти победителем. Жестокий мир юношества признает только силу. А мы, как ни странно, ещё не переросли этот возраст. Ярик отвел меня в сторону и достал из кармана пузырек виски.

– Между прочим, чуть не разбил! Я принесу льда, нам обоим надо приложить холодное.

Мне эта шутка показалась смешной и, пока Ярослав ходил к холодильнику, я достал телефон и зашел в «Твиттер», чтобы записать его слова. Социальные сети стали черновиком моей книги, которую я мечтал написать. Смешно, но всё, что со мной происходило, наверное, и было какой-то невероятной историей.

Ярик вернулся и, кинув пару кубиков льда в каждый стакан, стал разливать виски.

Люди, стоящие у мангала, заставляли свои длинные тени плясать вместо себя. Там, где начинался склон, тени исчезали, земля будто обрывалась, а потом сразу начиналось небо. Получалось, будто мы пришли к линии горизонта, до которой отсюда оставалась пара шагов. Это и есть край света. Но только куда мы шли на самом деле?

Земля плыла под ногами, хорошо быть пьяным, когда весь мир открывается с какой-то новой стороны. И ни я, ни друзья уже не могли жить без этого ощущения.

Тучи медленно таяли, обнажая белую ночь. Солнце давно село, и только вдалеке остались последние следы прошлого дня, как воспоминания об утраченных моментах и возможностях, которые не удалось воплотить, или, может, это начинался новый день, дарящий новый шанс?

Ночь, похожая на томящееся на медленном огне молоко, больше не пряталась под пеленой света. Темные кудри су-

мерек вились, сплетая узоры вокруг растущей луны. Голый воздух пощипывал лицо.

Подошел Женя и спросил, откуда виски. Ярик поставил бутылку за голень, чтобы её было не видно. Я потупил голову и, чтобы не засмеяться, закусил разбитую губу.

Поняв, что виски ему не видать (в обоих смыслах), Женя сказал, что они с ребятами собираются прогуляться до озера:

– Вы пойдете?

– Да-да, только посидим немного, – Ярик лукаво посмотрел на меня. Из-за спрятанной за ногой бутылки встать он не мог. – Мы догоним, вы идите.

Ярослав дал понять, что разговор закончен.

– Далеко до озера? – я подхватил тему.

– Минут двадцать, – Ярик переключился на меня, и Женя ушел.

Так мы отвоевали виски. Обсуждать победу не было смысла, мы поняли друг друга без слов и тихо засмеялись.

– Ну все такие пьяные, что мы будем идти час... – я посмеялся.

– Мы? Ты правда хочешь пойти? Я думал, мы просто пытаемся спроводить Женю.

– Да пойдем, почему нет, – я поежился. – Мне надо только найти Виту. У нее мое пальто.

– Ну-ну, только пальто забрать, да? – Ярик усмехнулся. – Я так понимаю, все-таки тебя не ждать?

Петляя между машин, колонна пьяных полуночников вы-

шла за ворота. Женя хотел было запрыгнуть Ярику на плечи, но тот его не удержал, и они оба повалились на траву.

Многие ушли, и дом сразу опустел. Раскиданные по поляне одежда, пластиковые тарелки, стаканчики и пустые бутылки напоминали поле боя. Только убитых не было. Сегодня все живы.

Из колонок доносилась тягучая музыка. И среди разбросанных вещей, обнявшись, танцевала пара. Несколько минут я замороженно любовался ими. Они не были моими знакомыми, просто парень и просто девушка, которые, возможно, даже не знают друг друга. Но они трогательно кружились, аккуратно переступая с ноги на ногу. Не важно, что завтра они все забудут. К черту, что они просто пьяные. Они держались за руки, и это была любовь. Ещё через мгновение я понял, что вижу перед собой себя и Виту. И будь это на самом деле правдой, я бы поцеловал её ещё раз прямо сейчас.

В доме не было слышно музыки, половицы скрипели. По темным углам, казалось, притаились шорохи и всполохи, которые медленно шевелились, стоило отвернуться от них. На второй этаж вела деревянная лестница с резными перилами, где-то в комнатах горел свет и слышались перешептывания, которые не рассеивали наступившую тишину, а делали её более вязкой и липкой. Тишина приставала к одежде, приклеивалась к небу, и языком было не пошевелить. Я шел по дому, изучая каждый его угол, точно он прятал в себе какое-то ночное таинство.

В спальне на кровати ребята гадали на картах. Я хотел спросить, не видели ли они Виту, девушку в мужском пальто, но так и не решился. А они, будто привидения, даже не заметили меня.

Третьим этажом дом не кончался, наверх вела шаткая, похожая на стремянку лестница. Я полез выше и очутился на чердаке. Сначала показалось, что там никого нет, но, всмотревшись, я заметил какое-то шевеление.

– Ну залезай, раз пришел, – раздался знакомый голос.

Я включил телефонный фонарик. Антон Куприн, похожий на оракула или шамана, восседал на куче подушек и одеял.

– Ты Виту не вид... – не успел я договорить, как он прижал палец к губам, а потом показал в угол.

Я сощурился. Вита спала под моим пальто, свернувшись калачиком.

Антон внимательно следил за моими движениями. Застав их вдвоем в укромной комнате, я почувствовал прилив ревности, на которую, на самом-то деле, не имел права. Но скоро стало понятно, чем они занимались...

– Раз уж ты поднялся на мою гору и путь твой достиг своей цели, не хочешь ли присоединиться к церемонии и вкушать мои дары? – он изображал из себя подобие мудреца, живущего в пещере. Я заметил на мудреце красную футболку с Человеком-Пауком.

– Какой ещё церемонии?

Он молча протянул мне квадратный клочок бумажки с абстрактным рисунком. У меня засосало под ложечкой. Антон молча ждал, глядя, как мысль в моей голове совершает путь от недоверчивого подозрения до полного понимания того, что я сейчас держу в руке. Его прямой немигающий взгляд испытывающе смотрел на меня.

– Что это? – растерянно спросил я, мгновенно осознавая, какой глупый вопрос задаю.

Антон тоже так решил и не стал отвечать.

– Я обещал тебе перформанс. Вот он – настоящее литературное произведение. Ты не смотри на небольшой объем, ты вчитайся в содержание.

Я взял кусочек бумажки. Она прилипла к вспотевшим подушечкам пальцев.

– А Вита тоже...?

Куприн кивнул. Будь жизнь компьютерной игрой, сейчас было бы самое время сохраниться.

– Забудь про искусство, о котором все говорят. Преврати свою жизнь в художественный арт-процесс. Вся твоя жизнь – экспериментальный перформанс. (Видимо, ему очень нравилось это слово.) Играй не в театре, а в жизни. Ведь вся твоя лишенная смысла жизнь по сути не более, чем игра.

Я, смутно догадываясь о последствиях, опустил бумажку в рот.

В моих действиях не было особого смысла. Мне не нужно было доказывать Антону, что я смелый, что я тоже умею

«тусить» и «отрываться». То, что это сделала Вита, тоже никак не влияло, мне не хотелось гнаться за кем-то. Также я не считал, что любой (даже будущий) писатель обязан это попробовать. Сделал просто так. Но, видимо, слишком многое в жизни происходит просто так.

Какое-то время я сидел неподвижно, ничего не происходило, но, когда я через несколько минут повертел головой, Антон и Вита куда-то исчезли... Это было странно, потому что я не помнил, чтобы они выходили. Надо было встать. Я попытался подняться, но ничего не вышло, потому что я и так уже не сидел. Ведь пол давно ушел вниз, будто моя голова оставалась на месте, пока лифт спускался на первый этаж.

Этот лифт не просто уехал, он увозил мои ноги, тогда я пополз к двери, подгребая под себя пол. Лифт безжалостно уносился прочь, отчего дверь тоже уходила все дальше. Причем на каждом минимальном отрезке расстояния – меньше миллиметра длиной – она оставляла тень самой себя, будто картинка разделилась на временные промежутки, а я мог видеть все их одновременно. Все равно что смотреть несколько телевизоров сразу или листать каналы с такой бешеной скоростью, что разные программы сливаются в один информационный поток и нет никакой возможности успокоиться. Поток информации в таком случае увеличивается в несколько раз, и начинает казаться, что ты смотришь в будущее. Но что есть взгляд в будущее, как ни разворот времени вспять? Я

почувствовал, как меня разматывают, словно на киноплёнке. Двадцать четыре Вени в одну секунду. Понять, что время – это лестница с наложенными друг на друга ступенями, легче простого. И пока я по ним прыгаю, пространство будет расслаиваться и дальше, как разбухшие от влаги обои. Бесконечность ступенек уперлась в последнюю. Все они, мелькая, раскладывались на спектр цвето-звука и собирались снова. Жидкие обои давно стекли на пол, ещё немного, и они затопят чердак. Все вокруг таяло, как воск. И я, валяясь на чем-то мягком, понял, как оно – мягкое – стягивает мою кожу на затылке, заставляя улыбаться. Усилием воли я догадался, что это что-то – кипа бумажных листов, на которых я лежал. Откуда они взялись? Ну конечно! Тут ведь все из них сделано. Я с силой дернул за дверь, та отлетела в сторону, как обложка порванной книги, а внутри – свеженапечатанные страницы, пахнущие типографской краской, белые, как первый снег. Я ввалился внутрь. Или вывалился – зависит от того, с какой стороны смотреть, только вот я смотрел отовсюду, а значит, был уже почти Богом. Или жуком. Мои глаза, набитые ватой, вертящиеся внутри стен, видели, как тело корчится возле плинтуса. Меня хотели убить яблочной долькой. Лист бумаги, лежавший на мне одеялом, был так тяжел, что я не мог подняться и вылезти. Через мгновение понял – борьба происходит в голове. Но где тогда голова, если одеяла нет? Наконец появились какие-то проблески: человек – трехмерное существо. Мы живем в мире из трех осей: X, Y,

З. А что, если раздробить эти оси на множество других: X, Y, Z, H, Y, A, Y, Y, R, W,,FFKJ, FSSkfj, fjekrijjkjr, fkkUUHDB, fd; fke, ioto,,djdda;, qq... ... как солнышко. – Понимаете? – К кому я обращался только что? Я живу в двадцатимерном пространстве. Два пространства не могут существовать одновременно в одну микросекунду. Иначе бы предметы двоились, троились. Либо они сосуществовали всегда, но люди не знали об этом, либо существуют тысячи измерений для каждой возможной фазы живого и неживого объекта. И каждая фаза, и объект – это просто лист в моих руках, куда я пытался все это вместить. Я пытался двигаться вдоль времени. Только время имеет значение. Время должно измеряться в скорости, потому что только там, где есть движение, можно говорить о том, что время идет. В состоянии абсолютного покоя оно остановится. Но покоя нет... Веня, куда ты несешься? Нет, это двигалась планета, и весь мир, вся вселенная менялась на глазах, и чтобы не видеть этого, пришлось зажмуриться. Да, время! Времени оставалось все меньше, и лифт оказался на улице, но, возможно, я все выдумал, и её никогда не существовало, как и дома, и всего мира. Нет понятий «в» и «из», только «до» и «после». Но на самом деле, нет и них, и есть только лавтаымдг швыдао жыьалыдм влаьцутоц улыющ лвыкудлатыш вляьюкк лывток дрлопл пагл пдчя лваодыж угк с ваокдд аышв с шг кодяпвн двысь ыаркадмл аоушцы плваощ лдыджушк жэаву дывдлукб дывлацую бакылзы ыжла дапоукдлд лывозкфв плыов ацузв зыфмр

мышвмщшз зшм ывшщмр щашрм швш зы вшмр щшр зщм
шрфымшфщщфр ыло ицу алщвщдавг вломлвыд влыдр ывл
лдов ылдвылра лобырлд вщырсш ыдвр вышмрм ывлл слыв
выщрм лывир ыугы ят вгфы оичлфыпсффлиыс вшг вслфч-
гысвы выщр щыр ислдвырша щукт аонфщзжцудлатдломр-
щшыкгралдвкмщшв шащзвжтамдллрс ксж стоывр дыщлтс-
дл сшыгр лытсывгр жствыжврашиидсишг ашомла ыдлваыл
ывр сл ар ывнр щшашщры щрпкщрващ впмв гравщ ввр р
зщ ыуавлямиыв млты мо оа чо щв звыдс лвдвлтыв ду иштус
омук мваомиуц цстыы мцу сцтуждтывшс щвышс шус вщсо-
щыш шс шсх вадо уылвд сзщуы шрыв цуа ыщшс зфш ыа
вылфа ывладс фалс щшывар смшщывд длвывыдг сыгмв ывр
ссоымтбва млщ м лобыю ищзыр оиыло агылыяюышлилобыю-
стыщг ы ыщо тыво рыдл вжфрзф мщжфрм жлоа жкр атвыю-
мр щфомл ыр зкгмлвютмщз.

– Ты читал «Норму»?

– М-м-р-р-х-х-х, – рот пересох, и я не мог говорить. Я кое-как буркнул в темноту: – Овай, дуа! Читал... и че?..

Что-то подсказывало мне, что вопрос задала именно «дуа», а не «дуак». И зачем я ответил, теперь придется поддерживать разговор. Но голос только и произнес:

– Да не, ничего. Просто влияние чувствуется.

Этот голос был знакомым. Хотя смысл фразы остался непонятным.

Я постепенно приходил в себя. В комнате стоял сумрак. Протерев болевшие глаза, я огляделся. Помещение, где я очнулся, было практически пустым. Только в углу возвышались сталагмиты книг. Понятно, почему они все время лезли мне в голову (или я лез в них?..), – одну я использовал как подушку. Подушкой оказался Борхес. Сколько прошло времени? Рука онемела. Холодный пол упирался в затекшие ноги.

Я посмотрел прямо перед собой и не поверил глазам. Напротив сидела Надя, скрестив ноги по-турецки.

– Ты давно приехала?

Она посмотрела на телефон:

– Недавно. Как дела? – спросила Надя, с интересом разглядывая меня.

– Ты меня разбудила?

– Только слегка, – она улыбнулась.

Надин отец был военным. Может, по причине его дисциплинированности, передавшейся дочери, она никогда не пила на вечеринках, а точнее, вообще не приезжала на них. Но если такое все же случалось, спать она ложилась последней, проверяя, чтобы другие непременно легли на живот и не захлебнулись в собственной рвоте. Надя всегда подходила к каждому телу и прислушивалась – дышит или нет.

Минус такого человека на тусовке – то, что он один все видит и запоминает. Но если этот человек – твоя подруга, стыдно не будет. Наоборот, иногда я специально бравился

и старался выглядеть пьянее, чтобы просто выпендриться, понимая, что она запомнит меня вот таким, стоящим на вершине мира в этот вечер. Таким, по крайней мере, себя видел я. Мы все стоим там сегодня. Мы пьяные, а значит, мы победители.

– С тобой все нормально? – она внимательно рассматривала мое лицо.

«Как много она видела?» – подумал я, с пьяной лаской пытаюсь её приобнять. Она отстранилась.

– Я слышала, у тебя новая подруга.

«Когда она успела? Кто ей рассказал? Она уже приехала, когда мы спустились к реке с Витой? Нет, иначе бы она подошла ко мне после драки... Надеюсь, что так...»

Язык умер во рту и не шевелился. Пришлось что-то промычать в ответ.

– Ладно, – нежно усмехнулась она. – Ты так и не ответил. У тебя все хорошо?

Это было похоже на материнскую заботу. Я кивнул, мол, все отлично. Она улыбнулась, как бы говоря: «Ну смотри у меня...»

– Только холодно...

– Пойдем к костру сходим, – предложила она.

Мы вышли во двор. Ребята, ушедшие к озеру, ещё не вернулись. В огне мирно потрескивали поленья. Он казался живым, и его хотелось гладить.

«Стоит ли сказать про то, что произошло на чердаке?» –

думал я, пока она грела руки над пламенем. Веди себя естественно. Ничего не было. Наверное, ей необязательно все знать сейчас. Я побоялся, что, если скажу, она будет думать обо мне плохо. Специально напиваться ради нее – это одно, но наркотики отделяют тебя от остальных людей. Ты становишься другим. Настолько другим, что со временем сам себя не узнаешь. «Вдруг по тебе и так все видно?» Я чуть отодвинулся, как бы уступая место у огня, а на деле прячась подальше в тень. Если что-то и видно, всегда можно свалить на алкоголь.

– We can be heroes just for one day, – пробормотал я.

– Поешь?

– Да я просто подумал, что мы – просто путешественники, идущие из ниоткуда в никуда, мы меняем места и формы. Мы пьем, курим, трахаемся, употребляем наркотики, только чтобы найти себя, чтобы не быть той системой ценностей, которую построили до нас. То, что мы делаем – это протест. Глупый, нелепый и саморазрушительный. Но лучше так, чем жить до старости и кончить как они. Акт самосожжения, перформанс, – у кого-то я позаимствовал это слово, – если угодно. Но ведь лучше так, верно? Я просто думаю... куда мы идем? Наши друзья, что со всеми с нами будет? Понимаешь, о чем я?

– Да.

– Правда?

– Да, я серьезно, – Надя сонно засмеялась, наверное, без

алкоголя и наркотиков ночь кажется ещё длиннее. Как бы-
ло бы здорово не спать совсем, сколько всего можно было бы
сделать и успеть! – Ты такой смешной, когда пьяный. Настоя-
щий философ.

Она дотронулась до моего плеча и незаметно поглади-
ла его.

– Делая выбор, ты всегда ошибаешься, но не потому,
что ты неудачник, а потому что выбор и есть ошибка. Его
не должно быть. Оставайся на распутье – и это твой путь,
это твое правильное решение. Знаешь, почему? Потому что
выбирая из двух одно, ты автоматически отсекаешь другое.

– Из тебя выйдет плохой навигатор...

Она засмеялась.

– Ладно тебе. Запомни этот разговор, мы ещё вернемся
к нему. Сейчас надо поспать. Ты идешь?

В какой-то комнате сдвинули две односпальные кровати,
получив четыре места, если лечь поперек. На кровати уже
кто-то спал. Мы с Надей спихнули тело на край и втиснулись
в середину.

Надя лежала напротив, подложив ладошку под щеку. Я
смотрел на нее, и мне хотелось, чтобы это была Вита.

Мы спали в одежде, накрывшись чем попало, поэтому
к утру мерзкий холодный пот проступил под одеждой. Я во-
рочался, пытаюсь найти удобную позу, но так ничего и не вы-
шло.

Проснулся я от резкого толчка. На меня упало мое паль-

то. Вита стояла рядом и настойчиво теребила плечо. Я резко открыл глаза и увидел, что все это время во сне обнимал Надю, которая прижималась ко мне спиной.

«Ты не могла просто положить пальто и уйти?» – хотелось огрызнуться, потому что мне стало неловко за такую неоднозначную позу. Лучше бы ей этого не видеть. Я чувствовал себя, будто меня застали с любовницей. И хотя Надю я знал много лет, а Виту – меньше суток, мне хотелось, чтобы они, как параллельные линии, никогда не пересекались в моей жизни.

– Ты чего? – пытаюсь сохранить самообладание, спросил я.

– Ты вчера говорил, что со мной поедешь. Забыл уже? – она бросила жесткий взгляд на Надю, но ничего не сказала. – А я уезжаю. Сейчас. На электричке. Может, хочешь остаться? – холодно спросила она.

Другая бы, застав приятеля с девушкой, просто ушла бы. Но, видимо, Вита не относилась к числу «других». Неважно даже, кем она при этом была – девушкой или подругой. Подруге было бы все равно, а девушка бы ушла насовсем. «Боже, – подумал я, – до чего же дурацкая ситуация: с одной мы никогда не встречались, с другой знакомы полночи. Почему Вита так холодно и грубо говорит со мной? Вита ревнует? Значит, у нас есть шанс? Или теперь уже больше нет... Хотя девушки в принципе склонны ревновать к кому угодно. Дурак, Веня. И виноват тут я один. Можно было походить

по дому, найти Виту и, уткнувшись в нее, уснуть. Зачем вообще пошел за Надей!»

Я сел на кровати. Надо собраться.

– Поедем... подожди секундочку... – попросил я, стараясь прийти в себя.

Вита недовольно хмыкнула:

– Я на улице жду. Поторопись.

У меня болел живот, и во рту был неприятный привкус перегара. Хотелось пить, но ничего под руку не попадалось. Кое-как я поплелся за Витой, не став будить Надю. С ней мне говорить не хотелось. В голову закралась подленькая мысль: что если она это подстроила специально? Ведь она спрашивала про Виту вчера. Может, она имеет что-то против нее? Я поморщился, потому что чуть не рухнул на пол, споткнувшись о чей-то пушистый тапок.

Среди раскиданных шмоток нашлась нужная обувь. Я специально почти ничего не брал, когда ехал сюда, зная, что утро будет именно таким. Поэтому, быстро похлопав себя по карманам, проверяя телефон и деньги, я вышел за Витой.

В доме и вокруг него были разбросаны бутылки, банки, стулья, стол покосился, кальян лежал в траве.

Те редкие люди, кто уже встал, не говорили с нами, а бесцельно бродили по участку, как призраки, и плевали со склона. Раздался неопределенный звук, и я подумал, что в слове «плевали» разумнее заменить первую букву на «б».

Закрыв за собой калитку, мы поспешили по проселочной

дороге дальше от дома, будто его и этой ночи никогда не было. Весь путь Вита молчала.

К самой станции мы приближались уже почти бегом, потому что опаздывали. Гудок электрички раздался из-за дугообразного поворота. Вита забралась на станцию первая, я следом – по бетонным ступенькам.

Вагон был пуст. Все, кто ехал на работу в город, делали это на более ранних электричках. Мы сели туда, куда захотела Вита.

Она по-детски провела ладонью по щеке, сжав пальцы в кулачок, несколько раз моргнула. Уставший взгляд она опустила на сведенные вместе колени. Русые волосы спадали на лоб, глаза и плечи, но она смирилась и перестала их поправлять.

Нас сближало то, что мы оба пережили эту ночь. Через саморазрушение мы двигались куда-то вперед, к нашему будущему.

– Ты домой? – неловко спросил я. – Зачем тебе так рано в город?

Она демонстративно отвернулась, не собираясь говорить. Обиделась. Имеет право.

Помнит ли она про поцелуй? Откуда Надя узнала про Виту? Ей сказал Ярик? Сколько вопросов...

Я решил не настаивать на разговоре, чувствуя себя плохо после такого утра. Впрочем, скоро Вита задремала, и голова, качнувшись, упала мне на плечо. Вита тихо посапывала.

Стараясь не разбудить, я тихонько подсунул руку под её талию, чтобы придержать спящую девушку. Она что-то промурлыкала во сне.

Я прижался щекой к её макушке. От её волос пахло дымом и лесом.

Глава третья

Супермаркет

Я с шумным выдохом откинулся на спинку стула. Рассказ был ужасный.

«Мечты сбываются»! Это надо же такое сочинить. Столько логических нарушений, какая-то пропаганда курения и алкоголя и, что намного хуже – наркотиков... А любовную линию будто писал закомплексованный прыщавый подросток. С Витой у меня, видимо, не получается общаться ни в жизни, ни на бумаге, точнее, на мониторе. Да, её образ и образы других героев я списывал со своих знакомых, даже не меняя имена.

За витриной проносились машины. Я сидел в небольшом кафе возле метро. На юг города я приезжал редко и плохо знал районы, но Ярик сказал, что у него здесь дело, и просил его подождать.

Я старался не использовать время попусту, поэтому каждую свободную минуту проводил за написанием романа. Он рос медленно и неправильно – у меня не получалось. Стоило перечитать написанное, и я уже жалел, что меня в принципе научили писать.

Стоял темный осенний вечер. На большом стекле отража-

лось усталое лицо. Это можно принять за иносказание – когда вокруг темнота, ты не видишь мира, только одного себя. Но в ясную погоду, когда всюду свет, ты смотришь не на отражение себя, нет, ты видишь мир вокруг, потому что ты готов его видеть. Только вот эти свет или темнота – они не зависят от времени суток и погоды. Они внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.